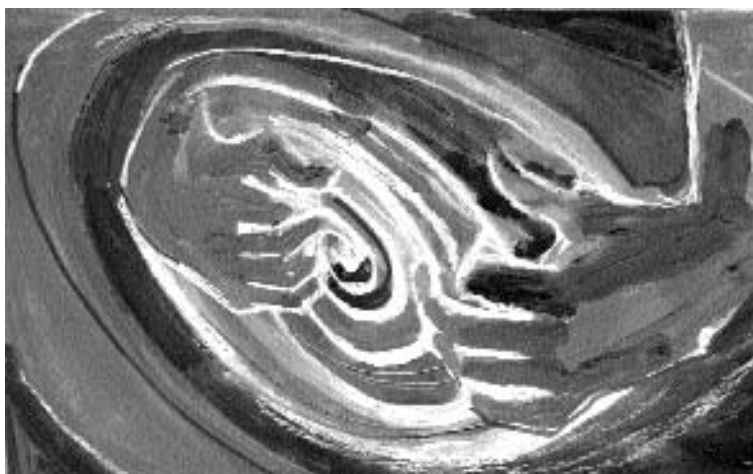


Лечебный курс



1.

— Что, док, дело совсем плохо?— Истоцкий посмотрел прямо в глаза доктору и усмехнулся.

— Вы еще усмехаетесь? — насупился и без того угрюмый доктор. — Между прочим, совершенно напрасно! У вас рак, причем в такой стадии, что еще полвека назад на вас бы поставили крест, лет двадцать назад спасли бы, сделав инвалидом, года три...

— Простите, док, — прервал его Истоцкий. — История вопроса меня не очень интересует. Я хочу знать, что вы можете сделать сегодня.

Доктор, немолодой уже мужчина, внешне — классический образец представителя своей профессии первой половины XX века (только без очков) осуждающе посмотрел на Истоцкого. Даже помотал головой.

— Я просто поражаюсь, как вы легко относитесь к ситуации! — развел он руками. — Вам бы все побыстрей!

— Разумеется, — вновь усмехнулся Истоцкий. — Я ведь космолетчик! Да и время такое...

— Что «время»? — перебил теперь уже доктор. — Какое «такое»? Время

— оно всегда одинаково. Это — неизменяемая, так сказать, субстанция! По крайней мере, являлась таковой еще недавно. — Доктор интригующе замолчал.

— Вы ждете от меня «охов» и «ахов»: «Почему недавно?! Почему являлось?!» — хмыкнув в третий раз, спросил Истоцкий. — Не дождетесь! Я про Время тоже могу интересную сказочку рассказать! Но сейчас я вашу хочу послушать. И, желательно, не про Время, а про то, как вы собираетесь меня лечить!

Доктор смутился и сделал движение, словно собирался снять очки. Поскольку в конце XXII века очков никто не носил, можно было только предположить, что подобная реакция передалась ему генетически от коллег-предков.

— Видите ли, э-э... Николай Геннадьевич! — дотронулся до руки космолетчика доктор. — Я вас обнадеживать напрасно не хочу... Но как раз вчера я получил разрешение опробовать новую э-э... методику на человеке... — Тут доктор отвел глаза и еле слышно закончил: — На безнадежно больном...

Истоцкий в очередной раз хмыкнул, но ничего не сказал.

— Нет-нет! — встрепенулся доктор и замахал руками. — Я не совсем правильно выразился! Вылечить вас можно и по старым технологиям, вот только... профессию вам после этого придется сменить!

Истоцкий вскочил с антигравитационной кушетки.

— Вот уж... — вдарил он ребром левой ладони по локтевому сгибу правой руки. Но фразу не закончил, оборвав на выдохе. И совершенно спокойно, будто и не было только что вспышки эмоций, сказал: — Согласен на любой, подчеркиваю — на любой, даже неапробированный метод лечения, если есть хотя бы малейший шанс на полное выздоровление! На полное, доктор! Иначе я отказываюсь от лечения вообще. Протянуть еще год-другой абы как, в постели, на инвалидной коляске — нет уж, увольте!

— Ну, почему «абы как»? — снова замахал руками доктор. — Современные методы дают такие превосходные результаты, что...

— Оставьте, док! — поднял руку Истоцкий. — Я все понял. Если я не смогу летать — поверьте, это не громкие слова, — я всегда буду чувствовать себя в инвалидной коляске! Давайте ближе к делу! Итак, что за курс лечения вы хотите мне предложить?

2.

...Запустить болезнь в конце XXII века — это еще надо постараться! Информация о состоянии каждого жителя Земли, с момента рождения, обрабатывалась в режиме реального времени Региональными Информаториями и передавалась затем на хранение в базу данных Глобального Информатория, которая, в свою очередь, через определенные (незначительные) промежутки времени архивировалась и дублировалась в Резервном Информатории. Проморгать даже начинающийся насморк при такой системе не представлялось возможным! Не говоря уже о чем-то более серьезном.

Другое дело — Космос. Постоянные колонии и станции, разумеется, имели свои Информатории, а также

необходимое оборудование и специалистов, чтобы справиться с любой известной на данный момент болезнью. Но исследовательские корабли, а тем более — спринт-разведчики, по причине малочисленности экипажей и краткосрочности миссий, в большинстве своем собственных Информаториев не имели, да и глобально-восстановительных лечебных комплексов — тоже. На спринт-разведчиках в экипажах отсутствовал даже врач — космолетчики пользовались в случае необходимости полученными при обучении медицинскими знаниями и индивидуальными лечебно-профилактическими средствами.

Так что пациентами немногочисленных стационарных госпиталей, как на самой Земле, так и в колониях, становились именно космолетчики. Разумеется, в отделениях травматологии была своя статистика (от травм не спасал, увы, никакой Информаторий), хотя и там, разумеется, определенный процент космолетчиков присутствовал.

То, что произошло с Николаем Истоцким, явилось для медицины последнего десятилетия полнейшей неожиданностью. Нонсенсом! Рак в конечной стадии — это слишком даже для космолетчика! Тем более, что Информаторий не получал от Иноколя сведения лишь одни сутки — пока тот находился в краткосрочной исследовательской экспедиции...

Цель перед экипажем спринт-разведчика «Сюита» стояла вполне прозаичная: осуществить исследование звезды на самой периферии Метагалактики, входящей в небольшую спиральную галактику, побывавшую недавно (по земным наблюдениям) в ранге сверхновой.

Ее вспышку астрономы увидели неделю назад, стало быть, взрыв произошел примерно за четыре миллиарда лет до этого. А с учетом того, что спринт-разведчики пользовались технологией СПВ (Сворачивания Пространства-Времени) или, по-простому, Нуль-Т, то, оказавшись в районе звезды в настоящее время, они могли на-

блюдовать то, что происходит с бывшей сверхновой сейчас. Все легко, просто и довольно-таки буднично для конца XXII века.

Между собой члены экипажа «Сюиты» называли свой шустрый корабль «Суетой». Действительно, суета — прыжок, исследование объекта за пару суток, самое большое — за неделю, прыжок назад, новое задание, снова прыжок... Туда-сюда, туда-сюда — суета, одним словом.

3.

Нынешней полет ожидался таким же рядовым скачком, не более. Поэтому фразу штурмана Родионова: «Что за ерунда?» сначала за сигнал тревоги не восприняли.

— Нет, ну что за ерунда?! — повторил Родионов, уже с явной целью привлечь внимание остальных членов экипажа. — Командир, посмотри, где мы выскочили!

Истоцкий бросил взгляд на сферу Показателя.

— Двести сорок парсеков от цели, — хмыкнул он. — Действительно, двести парсеков туда — двести сюда, какая ерунда!

— На тебя не похоже, Сергеич! — весело добавил космолетчик-исследователь Алексей Хрумкин.

— Заткнись, Леха, — огрызнулся Родионов. Ответить командиру в подобном тоне постеснялся, но, тем не менее, изрек с явной обидой в голосе: — Ты, Геннадьич, посмотри еще, что Бортовик выдает.

Истоцкий ловко крутанул ладонью над инфополем Бортового Компьютера, разворачивая висящие в воздухе строки в свою сторону и прочитал вслух:

— «Свойства ПВ отличны от нормы. СПВ к заданным координатам невозможно. Аварийный останов Преобразователя. Введите новые координаты». Круто! Ты когда-нибудь с подобным сталкивался, Сергеич?

— Нет, конечно! Такого просто не бывает!

— Но есть же, — хмыкнул Истоцкий. — Сам видишь.

— А Бортовик накрыться не мог? — почесал седеющий ежик волос Родионов. — Или... Преобразователь, не приведи Господи?

— Бортовик! Ты че, Сергеич? — гоготнул Хрумкин. — Там же кристалл крепче алмаза! Он в принципе не накрывается!

— Ну, а если бы Преобразователь... — осторожно продолжил Истоцкий. — Прости, что поминаю имя Твое всеу! — полуобернулся он назад, где, в кормовой части «Сюиты» располагался Преобразователь, Бог СПВ. — Если бы Преобразователь... гм-м... накрылся, да еще в процессе СПВ... что бы сейчас от нас было?

— Тоже верно! — согласился штурман. — И что теперь?

— Для начала давайте посмотримся. Как там наша пыхнувшая звездочка? Отсюда все ж получше видно. — И Истоцкий увеличил часть изображения на экране Визора.

На экран он глядел минут пять, молча, только привычно похмыкивая. Затем обернулся назад и увидел, что Хрумкин буквально разинул рот и выпучил глаза, уставившись в экран.

— Смотрю, тебя картинка тоже впечатляет! — усмехнулся Истоцкий.

Вместо ответа Хрумкин выдал из себя что-то нечленораздельное, тыча пальцем в центр изображения.

— Да что вы там увидели? — заинтересовался Родионов, который все еще продолжал мучить Бортовик. А когда посмотрел внимательно на экран Визора — даже побледнел.

— Батюшки святы! — простонал он, раскачивая головой. — Звездочка-то только-только жажнула! Дня три отсылы...

— Но этого не может быть! — присипел ошалевший Хрумкин. — Прошло уже... Прошло уже... Так, если мы не долетели двести сорок...

— Леха, брось считать, — поморщился Истоцкий. — Миллионом лет больше, миллионом меньше — это не суть! Факт в том, что это произошло не на днях...

— Значит, она снова взорвалась?! — ахнул штурман.

Леха Хрумкин, вспомнив, что он

как раз и является специалистом по данным вопросам, взял себя, наконец, в руки, и заговорил более-менее спокойно:

— Взорваться снова она не могла. Это исключено. Тут что-то другое.

— А может, это вовсе не та звезда? — пришла в голову Истоцкому шальная мысль.

— Геннадич, ты меня обижаешь! — Теперь Родионов покраснел. — Вот, смотри, рядом молодое скопление... Что за черт!

— Что на сей раз? — в очередной раз хмыкнул Истоцкий.

— В-место скопления п-протооблако... — начав заикаться, жалобно простонал штурман. — А т-там, и вон там... — стал тыкать он в экран пальцем. — В-все не т-там...

— «Там, не вон там...» — нахмурился Истоцкий. — Ты яснее можешь выразаться?

— Коленка, мы, кажется, попали в прошлое... В далекое-далекое прошлое... — захлопал глазами Родионов, виновато глядя на командира.

— Ты говори, да не заговаривайся! — буркнул Истоцкий. — Что там Бортовик насчет ПВ выдает?

— Чепуху какую-то выдает, Коленка... — перестал наконец заикаться штурман. — Мне все же легче поверить, что он сломался... По его показаниям, там, впереди — какое-то отрицательное Время... А буквально в двух астроединицах перед нами оно... — Родионов запричитал, тонко, по-бабьи: — Пресвятая Богородица! Коленка, это как волны сталкиваются! Интерференция, ей Богу! Волна обратного Времени с нормальным сталкивается и... Ой-ей-ей, не приведи Господи! Да это что же такое-то?!

— Командир! А сзади все нормально! — закричал вдруг радостно Хрумкин.

— Ну-ка, ну-ка, — потянулся к экрану заднего обзора Родионов. Он лихорадочно принялся шарить Визором по звездному полотну, увеличивая то один его участок, то другой.—Ой, и правда ведь! Все хорошо у нас сзади! Пока, во всяком случае... Тьфу-тьфу-тьфу!

— Ну-ка, вот что, разведчики,— Истоцкий хлопнул ладонью по колену. — Давайте-ка быстро назад! Пока там хорошо... Родионов, быстро вводи обратный курс!

— Слушаюсь, командир! — просил штурман.

— Хрумкин, ты успел всю эту галиматью зафиксировать?

— Так точно, командир! — вечно лыбящийся Хрумкин стал совершенно серьезным. — Правда, без классификации и анализа...

— Пусть дома ученые анализируют и классифицируют, — перебил Истоцкий. — Пусть разбираются. А нам бы сейчас главное до этого дома добраться... Штурман... — Истоцкий, не договорив, уронил вдруг голову на грудь.

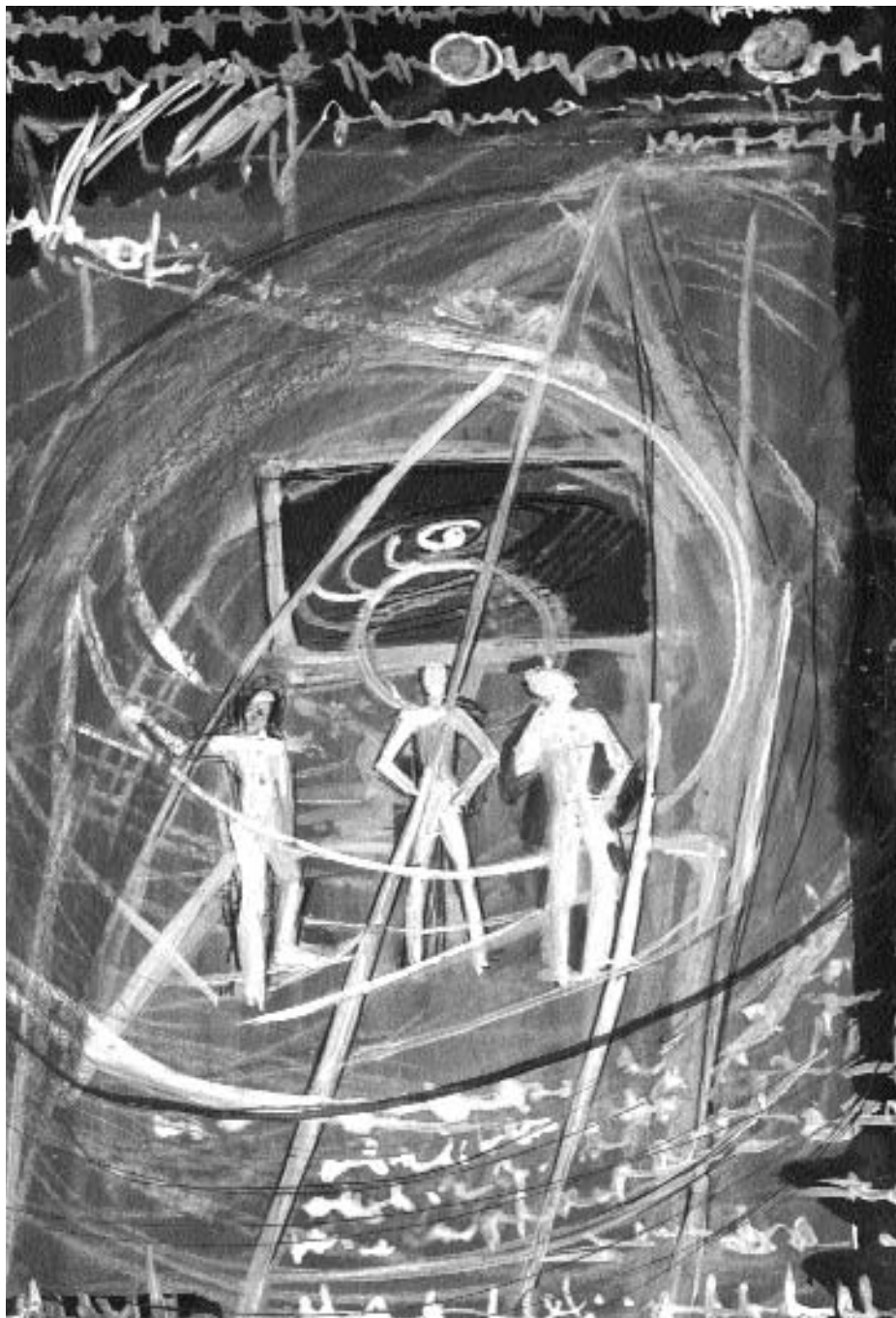
Родионов заканчивая ввод маршрутных координат этого не заметил и пробормотал только: «Сейчас, сейчас, Коленка! Полминутки еще...», зато Леха Хрумкин метнулся было к бесчувственному командиру, но и сам вдруг покачнулся и рухнул обратно в кресло. Правда, пришел в себя быстро и снова потянулся к командирскому креслу. По пути он глянул на штурмана и с ужасом увидел, что Родионов тоже сидит без движения, уткнувшись лбом в сферу Показателя.

«Успел ли он ввести координаты?» — обожгло Леху межзвездным холодом. Но проверить это он уже не мог, поскольку почувствовал, что снова теряет сознание. Последним усилием, отгоняя туман небытия, Хрумкин, перевесившись через плечо Истоцкого, набрал в командном поле Бортовика код запуска программы старта...

4.

— Что я хочу вам предложить? — переспросил доктор, собираясь с мыслями и поправляя несуществующие очки. — М-м-да... Попытаюсь объяснить, как выразались в старину, на пальцах. Вы, разумеется, изучали хронофизику, и что такое Время представляете.

— Да уж! — хмыкнул Истоцкий.—



Не надо заумностей, док, расскажите суть.

— Я как раз и пытаюсь подобрать сравнение, для наглядности. Вот, например, мы бросаем в воду камень. Что происходит?

— Камень тонет, — пожал плечами Истоцкий.

— Что? — удивился доктор. — Ах, да! Камень, естественно, утонет. А что происходит на поверхности воды?

— Круги от камня. Волны...

— Вот именно! — обрадовался доктор и помахал руками. — На поверхности расходятся волны! И если упростить свойства Времени до этого наглядного примера, то временные волны также расходятся, унося нас на своих гребнях...

— Да вы поэт, док! — усмехнулся Истоцкий. — Но при чем тут моя болезнь?

— Вы торопитесь, молодой человек, — покачал головой доктор. — Я именно к этому и подвожу! Вашу болезнь мы лечить не будем! Мы просто повернем ее ход вспять! Мы заставим круги от брошенного в воду камня вновь сойтись в начальную точку!

— Но как?! — ахнул космолетчик.

— Небольшое устройство! — гордо заявил доктор. — Результат многолетнего труда! Разумеется, не только моего лично...

Доктор достал из открывшейся в стене ниши широкий черный пояс, покрытый серебристыми монограммами.

— Вот это устройство! — протянул он пояс Истоцкому. — Надевайте!

Истоцкий осторожно принял из рук доктора пояс. То, что он принял издали за монограммы, на самом деле оказалось серебристой паутиной тончайших проводов и контактов, змеившихся в матовой черной глубине устройства. Материал, из которого был

изготовлен пояс, казалось, действительно обладал глубиной... Истоцкому почудилось, что он вновь заглядывает в пучину Вселенной, испещренную заораживающим серебром звезд и туманностей.

— Надевайте! — повторил доктор. — Сейчас мы локализуем поле обратного Времени вокруг вашей опухоли, и круги от камня повернут назад! В первые мгновения вы, возможно, почувствуете некоторое беспокойство, может, будет чуточку больно — волны обратного Времени, устремляясь к центру опухоли, будут сталкиваться с волнами обычного Времени, образуя, так сказать, интерференцию, но это недолго... Что с вами, Николай Геннадьевич?!

А Истоцкий медленно поднимался с антигравитационной кушетки, все еще всматриваясь в космическую глубину чудесного пояса. Но глаза его явно видели что-то совершенно иное, а губы шевелились в беззвучном шепоте.

— Что с Вами?! — всполошился доктор. — Вам плохо? Давайте скорее начнем лечебный курс!

Истоцкий удивленно посмотрел на доктора, словно увидел его впервые.

— Лечебный курс? Он уже начался... И вы знаете, что такое Вселенная, док?..

ОБ АВТОРЕ:

БУТОРИН Андрей Русланович, родился в городе Мончегорске Мурманской области 6 апреля 1962 года, где живет и сейчас.

Окончил в 1985 году Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП). Работает в Центре информационных технологий ОАО «Кольская горно-металлургическая компания» ведущим специалистом.

Рассказы: «Мать космонавта», журнал «Звездная дорога», 2001 г., «Сенсационное интервью», «Звездная дорога», 2002 г. «Глава...», «Техника-молодежи» 2002 г., «Возвращение себя», «Уральский следопыт», 2005 г. «Сорок пфустингистов», журнал «Норильский Никель», 2005 г., «Голова профессора DDD», «Норильский Никель» 2005 г., «За краем Земли», «Техника-молодежи», 2005 г., «Диадема невест» журнал «Я» (Нью-Йорк, США), 2005 г., «Суметь услышать», «Техника-молодежи», 2006 г., «Одной подлостью меньше», журнале «Я», 2006 г., «С днем рождения!», «Форум», журнал «Свой круг» (Монреаль, Канада), 2006 г., «Йалокин», «Техника-молодежи», 2007 г.

Повести: «Письмо в никуда», Издательство Амадеус, 2006 г., «В одну реку трижды...», Амадеус, 2006 г., «Возвращение себя», Амадеус, 2006 г., «Имя для нерожденной», Амадеус, 2006 г.

Романы: «Работа над ошибками (Puzzle)», АСТ, 2004 г., «Наследница престола» Издательство Альфа-книга, 2005 г., «За краем земли и неба», АСТ, 2007 г.